

Дом в Китай-городе

Category: Edebi makalalar, Kitapcy

написано kitapcy | 26 января, 2025

Дом в Китай-городе ДОМ В КИТАЙ-ГОРОДЕ

(очерк об отце из книги «Свет в конце тоннеля», Москва, 1999 – с небольшой редактурой перед публикацией на форуме)

Разве можем мы забыть родину?

Может человек забыть родину?

Она – в душе. Я очень русский человек.

Это с годами не пропадает.

[/b]Иван Бунин[/b]

Отец любил Бунина. Много книг он перечитал за свою жизнь. Последней стала книга о великом русском писателе – Валентин Лавров «Холодная осень», М., 1989.

В нынешнем году уже пятнадцать лет, как нет папы, но до сих пор в это не хочется верить. Боже мой, как быстро, оказывается, пролетает жизнь близкого, дорогого человека, как о многом не успеваешь поговорить... В мыслях, каких-то повседневных делах мы по-прежнему вместе: советуюсь, думаю, как бы в той или иной ситуации поступил отец.

Но, конечно, еще более обостренно чувствует нашу потерю мама – доктор педагогических наук, профессор Евгения Николаевна Ершова, которая около 60 лет работала в Ашхабадском педагогическом институте – Туркменском государственном университете.

Чуть более 40 лет прожили родители вместе.

«Какая замечательная счастливая пара», – не раз говорили наши московские и ашхабадские знакомые.

«Алексей Владимирович незримо все равно рядом с Евгенией Николаевной. О чем бы ни рассказывала, что бы ни вспоминала, он присутствует в ее рассказах, душой она с ним. Или точнее, он с ней. Все так же рядом, все также подставляет свое плечо...».

Так писала в статье с символическим названием «Наследство», опубликованной в газете «Нейтральный Туркменистан» в январе 1996 года, одна из маминых учениц – журналист и поэтесса Гозель Нуралиева.

Я «репатриировал» в родную папину Москву. Теперь отец как бы постоянно участвует в нашей с мамой переписке, телефонных разговорах. А сколько в Москве мест, связанных с памятью о папе, сколько людей, знавших его близко и сохранивших о нем самые теплые воспоминания?!

К сожалению, работу над своими воспоминаниями, где нашли бы отражение важные события XX века, папа все откладывал и откладывал на потом и, увы, написать не успел.

Дань памяти известного в СССР историка-архивиста – публикация в журнале «Отечественные архивы» (1998, №2), посвященная 80-летию со дня рождения папы. Ее предваряет вступительное слово академика РАН, двоюродного брата мамы Ю.А.Полякова: «Более 50 лет я по характеру своей работы связан с архивами и архивистами. Эти годы привили мне глубокое уважение к профессии архивиста и к людям, работающим в архивах...

В сохранении и развитии крепких, добрых, ведущихся исстари, традиций архивных работников большая роль принадлежит поколению архивистов, принявших эстафету в первые послевоенные годы. Им досталась труднейшая доля...

Плеяда послевоенных архивистов заслуживает самых добрых слов. Они сохранили старое достояние, восстановили разрушенное, заложили прочную основу дальнейшего развития. В этой славной плеяде достойное место занимает Алексей Владимирович Головкин... Коренной москвич, выпускник легендарного МИФЛИ (Московского института философии, литературы, истории), направленный после ашхабадского землетрясения для помощи туркменским архивистам, он становится полпредом российской культуры в далекой среднеазиатской республике. Деятельность А. В. Головкина в Туркменистане – яркое свидетельство того, как благотворно влияла передача опыта русского просвещения, русской науки, в т.ч. организации архивного дела, на общественное развитие в союзных республиках с недавно почти поголовно неграмотным населением.

А.В.Головкин отдает все силы восстановлению разрушенного катастрофическим землетрясением ашхабадского архива, способствует развитию сети местных архивов. Он передает опыт и накапливает новый, творчески осмысливая его. Молодой ученый и администратор растет с каждым годом. С 1958 г. он бессменный руководитель сначала архивного отдела МВД Туркмении, а затем Главного архивного управления Туркменской ССР. А.Головкин твердо стоял на трех китах. Во-первых, он неизменно учитывал в своей работе местную специфику, опирался на национальные кадры. Во-вторых, он никогда не терял связи – деловой, научной, нравственной – с Москвой, используя все новации в архивном деле. В-третьих, наряду с огромной работой по восстановлению разрушенных архивохранилищ, строительству новых, формированию архивных фондов, Алексей Владимирович никогда не забывал о важности научной работы. Он писал статьи по истории Туркменистана и России, поднимал насущные вопросы деятельности архивов, издавал со своими комментариями сборники документов.

А.С.Пушкин писал о «славной стае екатерининских орлов», среди которых М.Кутузов был «сей остальной». А.В.Головкин – достойный представитель «славной стаи», надежной когорты архивистов послевоенной поры, деяниями которых росло и крепло архивное дело России и Советского Союза».

Папа родился 17 марта 1918 года в исторической части Москвы – в Китай-городе. Здесь, в Ипатьевском переулке, по рассказам отца, у их деда Алексея Алексеевича Головкина был собственный дом. Впоследствии на этом месте было построено здание ЦК КПСС, где сейчас работает аппарат президента России.

По понятным причинам о родословной по папиной линии знаю очень мало. Например, мне известно, что в роду дедушки и бабушки были купцы и дворяне. И даже с очень известными в России фамилиями.

В одной из церквей Китай-города папины родители Владимир Алексеевич и Анна Васильевна крестили в 1918 году своего первенца, названного в честь умершего в 1917 году деда Алексея Алексеевича (так совпало, что имя отец получил и в честь

Алексея, человека Божьего; именины приходится на 30 марта). Затем крестили второго сына Владимира в 1919 году и в 1921 году дочь Елизавету.

Люди интеллигентные, образованные, которых судьба впервые свела на гимназическом балу, проходившем в районе Храма Христа Спасителя, дедушка и бабушка (он учился в первой мужской гимназии, она – во французской гимназии «Констан») оказали не только огромное влияние на формирование духовного мира своих детей, но и постарались их научить быть стойкими к жизненным испытаниям.

Об этих семейных «уроках» папа всегда говорил нам, своим трем сыновьям, с глубокой благодарностью. Вот что он вспоминал:

«...Я рос в семье старой московской интеллигенции. И надеюсь, что являюсь ее представителем. Отец мой был начитанным человеком, издательским работником. Дома у нас была богатейшая библиотека. Читать я научился в 4 года. Вероятно, поэтому у меня рано зародился интерес к истории, литературе, искусству».

В первые годы после октябрьского переворота дом Головкиных в Ипатьевском переулке превратился в коммуналку. Была национализирована и находившаяся здесь же, в переулке, москательная фабрика Алексея Алексеевича. А затем, в середине 20-х годов, семью бывших хозяев переселили подальше от центра столицы – в район площади Ильича (Рогожской заставы).

В доме в Среднезолоторожском переулке к новым жильцам относились с должным уважением. Теперь этого дома тоже нет, но я его хорошо помню с детства: тетя с дочерью и бабушкой, когда ей, наконец, дали новую квартиру, переехала отсюда в 1967 году.

Когда папа учился в 8 классе, у них появился новичок – Костя Ульрих из Салтыковки. Отец его Павел Робертович был врачом, мать Елена Александровна – учительницей.

Алеша и Костя за два школьных года (тогда была девятилетка) очень подружились, часто бывали в гостях друг у друга. Эта прекрасная дружба продолжалась до последних лет жизни папы. А фронтовика дяди Кости не стало 16 мая 1995 года, после 50-летия Великой Победы.

В школьные годы в жизни папы было немало интересных событий. Вот, в частности, что он вспоминал об этом периоде:

«...Мы жили неподалеку от завода «Серп и молот». При нем был организован литературный кружок – «Вольцовка». И я с 1934 года его посещал: выступал с первыми, конечно, наивными стихами и рассказами. Руководил нами мастер вольцовочного цеха Саша Филатов, поэт. Он на первом Всесоюзном съезде писателей выступил от имени кружковцев, а мы, члены кружка, присутствовали по гостевым билетам... Слушали выступления М.Горького, К.Радека, Н.Бухарина, Л.Сейфулиной...

Очень жалко, что на первом съезде не было Владимира Владимировича Маяковского (кстати, в нашей семье его очень любили, поэтому и называли брата его именем, он тезка поэта – Владимир Владимирович). При его жизни мне довелось видеть Маяковского несколько раз на Мясницкой, где была последняя квартира поэта. Довольно часто – один или с родителями – я ходил в гости к тетке. Она тоже жила на этой улице. Когда мы шли на Мясницкую, почти каждый раз нам навстречу попадался Маяковский в шляпе и в плаще. Широкими шагами он бежал в сторону Театральной площади.

Потом мы с грустью прочитали в газетах обращение Маяковского к Правительству и отрывки из его поэмы «Во весь голос».

В трагический день я зашел в завком завода «Серп и Молот». В это время там собрались рабочие – читали в газетах о смерти Маяковского. Председатель завкома спросил:

–А кто, товарищи, может прочитать стихи Маяковского?

Поскольку стихи Маяковского очень любил, вызвался я. Забрался на трибуну и прочитал отрывки из поэмы «Во весь голос».

Потом вдвоем с двоюродным братом Андреем Гончаровым мы отправились провожать Маяковского в последний путь. Все улицы были заполнены народом, вся Москва шла за гробом. Москвичи очень любили Маяковского.

На первом съезде советских писателей нам, кружковцам, было очень приятно, когда и Горький, и Бухарин в своих выступлениях о советской поэзии подчеркнули важную роль Маяковского в ее развитии».

В школьные годы отец посещал также литературный кружок при

библиотеке имени Покровского на Большой Коммунистической улице. Занятия в нем вел их учитель литературы Александр Александрович Зерчанинов – впоследствии профессор, автор известных учебников. Занятия были так увлекательны, что после окончания школы папа решил поступать в вуз на литературное отделение.

Большим авторитетом в глазах папы была тетушка, сестра отца, Мария Алексеевна Кара-Мурза.

«В их доме, – вспоминал папа, – тоже была богатейшая библиотека. Мария Алексеевна руководила моим чтением, воспитывала вкус. Многие серьезные книги я прочел именно здесь, когда приходил в гости. Кроме того, тетушка, как и моя мама, занималась со мной французским языком. Благодаря им я довольно хорошо знаю этот язык. Потом, в разные периоды жизни, я лишь что-то повторял сам или с помощью преподавателей».

Второй муж Марии Алексеевны – Сергей Георгиевич Кара-Мурза в свое время был присяжным поверенным, возглавлял общество «Старая Москва», занимался театроведением, имел литературный салон, известный на всю Москву, где собирались Брюсов, Кузмин, Гиляровский, Леонид Андреев... Долгие годы – в конце 20-х – в 30-е годы – в доме Сергея Георгиевича и Марии Алексеевны на Мясницкой (как сообщил их внук известный телеведущий Владимир Кара-Мурза, этот дом снесен) устраивались «четверги», где за чашкой чая встречались писатели, художники, артисты.

«Там я видел тогда, – вспоминал папа, – уже известного Илью Эренбурга, совсем молодого Сергея Образцова».

Будущий создатель Центрального театра кукол, чье имя после кончины сегодня носит прославленный во всем мире театр, Сергей Владимирович приходил к сыну Марии Алексеевны от первого брака, двоюродному брату отца, начинающему художнику Андрею Гончарову. Они учились во ВХУТЕМАСе (это учебное заведение находилось на углу Мясницкой и Сретенского бульвара) и дружили. Это Андрей Гончаров, вспоминает папа, «... создал знаменитую ныне эмблему театра Образцова: пять растопыренных пальцев и на одном из них шарик – голова куклы...»

Андрея Дмитриевича Гончарова я помню с детства. Летом родители часто ездили вместе с нами в Москву. В начале 60-х годов Гончаровы снимали дачу в селе Марьино под Звенигородом. Несколько раз мы тоже снимали здесь дачу. Каждый день ходили друг к другу в гости. Гончаровы были хлебосолами. А если на летние месяцы приходилось какое-то семейное торжество, то их дача была переполнена людьми. В такие дни Андрей Дмитриевич и его супруга Галина Федоровна устраивали капустники, в которых принимали активное участие взрослые и дети трех родственных семей – Гончаровых, Можуховских, Головкиных и кто-нибудь из городских гостей.

Мне, 6-7 летнему мальчику, для которого дядя Андрей стал кумиром, казалось, что он всегда веселый, жизнерадостный. Только с годами я осознал, насколько была трудной его жизнь. Официальная критика часто упрекала Гончарова, ученика Владимира Фаворского, друга Пабло Пикассо, в формализме. Но художник был верен себе. И победил. Сегодня – он признанный классик. Без гравюр этого замечательного, тонкого мастера трудно теперь представить многие известные с детства и юности книги – произведения отечественной и мировой литературы. Вот, например, перед нами удивительный мир героев Шекспира. А великолепный портрет Хемингуэя в двухтомнике его произведений... Разве не памятен он и ныне русскоязычным поклонникам американского писателя?!

Андрей Дмитриевич подарил папе несколько графических работ. Часть из них украшает квартиру в Ашхабаде, другие отец передал в дар Туркменскому государственному музею изобразительных искусств по просьбе тогдашнего директора художника Нуры Ходжамухамедова, который был знаком с известным художником и поэтом Павлом Александровичем Радимовым, который посещал Туркмению в 1930-1950-е годы и посвятил ей ряд замечательных картин и стихотворений. О даре папы писала газета «Вечерний Ашхабад». Она воспроизвела несколько гравюр Гончарова и приглашала ашхабадцев и гостей туркменской столицы посетить музей. Но... ни тогда, ни годы спустя эти работы в экспозиции не появились. А ведь на ашхабадской выставке Гончарова было бы не меньше посетителей, чем на других его выставках в СССР. Судьба

гравюр, подаренных музею, мне, к сожалению, не известна.

В разные годы Андрей Дмитриевич Гончаров написал несколько портретов членов нашей семьи. Первой – четырехлетнюю тетю Лизу, сидящую на стуле («Лизутка»), потом, в 1931 году, – 13-летнего папу («Портрет Алексея Головкина»). В 1961 году Андрей Дмитриевич написал большой портрет бабушки («Портрет Анны Васильевны Головкиной»).

После смерти Гончарова в числе других его произведений портреты Головкиных приобрела Государственная Третьяковская галерея. «Зорко храни!» – говорю я сегодня шутливо своей жене Машеньке, научному сотруднику Третьяковки.

...Учитывая склонность отца к литературе, истории, тетушка Мария Алексеевна порекомендовала ему в 1936 году, когда он окончил школу, поступить в один из самых престижных вузов Москвы – институт философии, литературы и истории имени Чернышевского (ИФЛИ) на исторический факультет.

Сегодня его сравнивают с Пушкинским лицеем, образно называя этот уникальный центр отечественного просвещения середины 30-х – начала 40-х годов XX века Лицеем в Сокольниках.

Перед войной в нем начинал учиться и Юрий Александрович Поляков. К сожалению, он был в числе последних студентов, принятых в этот вуз. Во время эвакуации в Ашхабад, куда отправился и Поляков, ИФЛИ слился с Московским университетом. Но пока еще только 1936 год. Папа сдает экзамены в ИФЛИ. Вот, что он вспоминает об этом важном периоде:

«... конкурс был 10 человек на место. Меня, правда, выручило то, что предварительно с претендентами проводилось собеседование, которое я успешно прошел. Да и школа помогла – дала мне хорошую характеристику. Период обучения в институте действительно замечательный, оставивший неизгладимый след в моей жизни. Преподавание вели виднейшие ученые – авторы известных учебников. Пол-Москвы приходило слушать их лекции. Научным руководителем моей дипломной работы был профессор, доктор исторических наук Федор Михайлович Потемкин. Моя тема называлась «Классовая борьба во Франции и переворот Наполеона

III». Причем, чтобы собрать материал для дипломной работы я прочитал несколько комплектов одной французской газеты, которая выходила при Наполеоне III . Спасибо маме и тетушке Марии Алексеевне за то, что занимались со мной французским! Я описал весь переворот Наполеона III, изучил по энциклопедии планы Парижа того времени и по документам – заговорщицкое движение. Я писал свою дипломную работу, подчеркну, на основе исторических документов, с которыми я столкнулся тогда впервые. И это был очень полезный опыт, пригодившийся, как оказалось, в дальнейшем. Моя дипломная сохранилась в домашнем архиве».

В сорок первом году отец досрочно получает диплом. Весь курс тогда получил дипломы досрочно. Было не до учебы – началась война. Вот, что об этом вспоминает папа:

«Когда началась война, нас записали в комсомольский истребительный батальон, который должен был вылавливать диверсантов в Москве. Мы также помогали отправлять в эвакуацию женщин и детей, готовить к отправке разные грузы».

По состоянию здоровья (бронхиальная астма) папа на фронт не попал, хотя неоднократно обращался в военкомат с просьбой о направлении добровольцем в действующую армию. Некоторое время он оставался в Москве, позднее – получил направление и уехал преподавать новую историю стран зарубежного Востока в Сталинабад – так тогда называлась столица Таджикистана Душанбе, где он год проработал в местном пединституте. Семья их тогда разделилась: мать Анна Васильевна, больной брат Владимир и сестра Елизавета (она закончила первый курс искусствоведческого отделения ИФЛИ) уехали в эвакуацию в Уфу, а отец Владимир Алексеевич приехал туда позже. В мае 1942 года Елизавета Головкина в Уфе была призвана в ряды Красной Армии. Воевала на Сталинградском фронте в зенитной артиллерии. Потом – на Белорусском и Прибалтийском фронтах.

В конце 1942 года папа получил разрешение и переехал к семье в Уфу, где преподавал историю в школе. В апреле 1943 года в Уфе после тяжелой болезни умер Владимир Алексеевич, мой дед. Бабушка, папа и дядя Володя вернулись из эвакуации в Москву в

конце войны.

Как отец стал архивистом? Вновь обращусь к его воспоминаниям: «... в 1944 году я учился в аспирантуре МГУ им. М. В. Ломоносова. И меня как специалиста-историка пригласили на работу. Принял и беседовал со мной начальник ГАУ МВД СССР генерал Никитинский. Он и предложил мне место в Военно-историческом архиве. Я согласился. В этом архиве проработал до апреля 1947 г. научным сотрудником.

Занимались мы тогда подготовкой сборников материалов о русских полководцах и флотоводцах – Суворове, Кутузове, Румянцеве и др. Готовили сборники о героизме русских войск. Вторая мировая война еще шла... Работа в публикаторском отделе была интересной и ответственной, она мне многое дала...».

К этому можно добавить: папа так увлекся архивным делом, что в 1945 году решил перевестись из аспирантуры МГУ в аспирантуру Историко-архивного института. Свое решение отец обосновывает в рапорте, который я нашел в его личном служебном деле:

«...В процессе работы я решил: будет целесообразнее, чтобы у меня не получалось разрыва между производственной работой и учебой, а создавалась бы единая линия, которая помогла бы мне сделаться высококвалифицированным архивистом.

Я посоветовался по этому поводу со своим куратором доктором исторических наук проф. Ф.В.Потемкиным и с зам. директора по научной части Историко-архивного института проф. А.И.Гуковским, они одобрили мое желание и вполне поддержали его.

Что касается моей аспирантской работы, то передо мной намечаются два пути: во-первых, по археографии – по новому, никем еще не разработанному пути – по иностранным документальным публикациям (история, методика, характеристика иностранных публикаций – я знаю французский язык и займусь, прежде всего, французскими публикациями, изучаю английский и немецкий языки – с тем, чтобы можно было использовать и их для этой работы); во-вторых, по истории государственных учреждений в связи с производственной работой в архиве: работаю сейчас над обзором фонда канцелярии Военного Министерства...»

Тогда же папа стал преподавать в Историко-архивном институте археографию и публикаторское дело (кстати, потом, в Ашхабаде, он поддерживал с этим институтом тесные контакты).

«Многие из моих бывших студентов, – вспоминал папа, – стали видными архивистами».

В апреле 1947 года отца перевели (с повышением) в ЦГИА СССР в Москве. А в конце ноября 1948 года он получает новое назначение, и опять – в Среднюю Азию, но на этот раз в Ашхабад, разрушенный катастрофическим землетрясением, практически сметенный с лица земли в трагическую октябрьскую ночь.

По свидетельству документов и очевидцев, 6 октября 1948 года в 1 час 17 минут после полуночи, Ашхабад оказался в эпицентре сильнейшего землетрясения. Сила подземных ударов достигала 9-10 баллов по шкале Рихтера. Хватило минуты, чтобы большинство сооружений города и его окрестностей превратилось в руины, вышли из строя все коммуникации. Ночную тьму сквозь тучи поднявшейся пыли осветило зарево многочисленных пожаров, улицы были оглашены криками и стонами раненых, плачем и рыданием обезумевших от горя людей. Когда рассвело, взору людей открылось жуткое зрелище: вместо города стояли одни деревья и каменные трубы домашних печей. Целых зданий насчитывались единицы, а большинство устоявших было в таком аварийном состоянии, что впоследствии их пришлось разобрать. По некоторым источникам, когда Сталину доложили об ашхабадской катастрофе, он усомнился в правдивости нарисованной ему картины. Тогда и был отправлен в Ашхабад известный кинооператор Роман Кармен, снявший уникальный получасовой фильм – документальную хронику тех незабываемых дней, на долгие годы спрятанную затем в «спецхран» (Фотоальбом «Ашхабад: город – любовь – судьба», издательство «Туркмен Пресс», 1996).

Присутствием в Ашхабаде Кармена Сталин не ограничился. По легенде, он сел в самолет и сам отправился к месту трагедии. Долго кружил над разрушенной столицей Советской Туркмении, а потом улетел в Москву. Может быть, после этого «вождь народов»

и принял решение об оказании действенной безотлагательной помощи Ашхабаду, которая стала поступать из Москвы, Баку, Ташкента, Алма-Аты и других городов СССР?!

В том, что Ашхабад должен быть возрожден, отмечает ашхабадский журналист Руслан Мурадов, «у горожан не было никаких сомнений, поэтому идею отстраивать столицу Туркменистана на новом месте очень быстро отвергли. В этой связи трудно не согласиться с мнением, что к 1948 году, в Ашхабаде сформировался тип горожан со своими особенностями, традициями, нравами, одним словом, всем тем, что воспитывает в людях привязанность к родным местам. Именно этот фактор оказал решающее воздействие и возвращение вынужденных мигрантов и последующее восстановление города».

О своей командировке в Ашхабад для оказания помощи в спасении архивного фонда Туркмении и восстановлении архивной службы папа рассказывал так:

«Вызвал меня генерал Стыров – новый начальник ГАУ и сказал:

– Товарищ Головкин, мы хотим вас отправить на курорт, на юг.

Я удивился, спрашиваю:

– Куда, товарищ генерал?

А он:

– Есть такой город Ашхабад, на юге.

Я говорю:

– Там же произошло землетрясение. В Москве слух прошел, что Ашхабад весь затонул. Озеро образовалось.

Он смеется:

– Вот и будешь на берегу озера жить и работать.

Приказ есть приказ. В то время архивная служба СССР не была самостоятельным ведомством, подчиняющимся непосредственно правительству, а структурно входила в МВД. Поэтому у нас была строгая дисциплина. Я был назначен заместителем начальника ЦГА ТССР и в декабре 1948 года приехал в Ашхабад. Конечно, пришлось заниматься не только архивной работой, но и ежедневно участвовать в разборке завалов, а потом и в восстановлении города. В это время еще продолжало трясти. Весь сорок девятый год здесь страшно трясло. И такой страшный гул был.

Психологически настраиваешься, думаешь: вот сейчас начнет трясти... Все тело сжималось.

Долгое время мы хранили закрытым фильм, снятый Романом Карменом. Фильм страшный, особенно для тех, кто не видел, что такое землетрясение: это и руины, и жертвы – более 110 тысяч погибших».

В Москве у папы остались мать, больной брат, вернувшаяся с фронта сестра, квартира, которая сохранялась за ним на время двухлетней командировки. Но эта «командировка» затянулась на всю жизнь. Недаром, видимо, шутили друзья: «Попьешь ашхабадской воды, женишься на среднеазиатской девушке – останешься здесь!»

Родители познакомились в Ашхабадском пединституте (теперь это Туркменский госуниверситет), где оба преподавали на историко-филологическом факультете. Маме, дочери коренного москвича из старой интеллигенции, которого судьба забросила в Среднюю Азию за четверть века до этого, приятно было встретить земляка. Правда, свела их сначала ошибка в расписании занятий: оба пришли читать лекцию в одно и то же время. Мама галантно уступила, хотя добираться до работы было не близко, а городской транспорт не работал.

Родители поженились в августе 1949 года, когда Ашхабад еще лежал в развалинах. Туркмения стала родиной для всех нас – их троих сыновей и внуков.

Но в действительности, конечно, было и то, что казалось непонятным для некоторых московских обывателей.

Думать о квартире и размеренной жизни в Москве? А чувство долга говорило отцу: важно не просто извлечь документы из-под развалин зданий – необходимо организовать их хранение, систематизацию на уровне современных требований, не прекращая при этом комплектование архивного фонда Туркмении.

Архивный отдел МВД ТССР и Центральный госархив занимали здание бывшего военкомата по улице Фрунзе, 12. После землетрясения, как вспоминал папа, «его стены рассыпались, но документы лежали на устойчивых деревянных стеллажах. Это их и спасло. Все архивные дела были перевезены в подвал на улицу Лабинскую.

Помогали пограничники: основной состав архивистов – женщины. Несмотря на всю сложность ситуации, основная работа – выдача справок трудящимся – продолжалась... С помощью пограничников на месте разрушенного здания были построены два больших барака (одна временка под архивное хранилище, другая – вроде административного корпуса)».

...Известный в Туркмении публицист и поэт Аллаяр Чуриев в одной из статей, посвященной памяти моего отца, пишет:

«...Мне не довелось работать в тех послеземлетрясенческих временках, где архивным работникам удалось не только собрать и систематизировать спасенные и вновь поступающие документы и фотоснимки, но многие наши старейшие писатели и ученые, с благодарностью говоря об Алексее Владимировиче Головкине, других ветеранах архивного дела Туркмении, рассказывали, что даже в этих временках был выделен крошечный «читальный зал», где шла работа над архивными источниками».

И вот, в начале 60-х годов, на главной магистрали туркменской столицы – проспекте Свободы (ныне проспект Махтумкули) закончилось строительство, как тогда говорили, «высотного здания». В этом 7-этажном здании, рассчитанном на землетрясение в девять баллов, разместились ЦГА и ЦГА КФД, Архивное управление при Совете Министров ТССР, которое с 1960 года возглавил отец (с 1958 года был начальником архивного отдела МВД ТССР). Он любил шутить: «Пока его строили, я приобрел новую профессию – прораба».

За время работы папы на посту начальника Главархива Туркмении (60-80-е годы) были построены также новые архивные здания, отвечающие необходимым современным требованиям, во всех областных центрах.

Деятельность папы, конечно, не ограничивалась организационно-руководящей работой. Он принимал самое непосредственное участие в подготовке к печати различных сборников документов, монографий, справочников-путеводителей по архивным фондам, справедливо считая публикацию документов одним из наиболее интереснейших и важных направлений архивной службы.

При этом отец сам занимался розыском и выявлением тех или иных

документальных данных как в архивных фондах Туркмении, так и в архивах Москвы, Ленинграда, Ташкента, Баку, Еревана и других городов СССР.

Это были не специальные командировки. Многие папа успевал сделать параллельно с участием в совещаниях, конференциях, конгрессах – международных, всесоюзных, республиканских, региональных.

И с их высоких трибун, и в СМИ, и в личных беседах, отец всегда выражал чувство гордости по поводу того, что сделано и делается его коллегами – архивистами Туркмении.

Особенно часто – иногда по несколько раз в год – отцу доводилось выезжать в Москву. Так что своей оторванности от московских коллег, родни и друзей он не чувствовал.

Время умел планировать так, что вечерами, после совещаний и решения заранее намеченных вопросов в управлениях Главархива СССР, успевал встретиться с кем-нибудь из своих и маминых родственников или – нередко общих – друзей, знакомых, посетить один из театров. Но близких людей было так много, что повидаться со всеми было просто физически невозможно. Поэтому многим отец звонил и, в первую очередь, «ифлийским девочкам», как он любил называть своих однокурсниц. И вот эта многолетняя дружба с ними и особенно с художниками Константином Павловичем и Марией Павловной Радимовыми, с которыми и все мы очень подружились, восхищает меня до сих пор.

Летний отдых семья тоже чаще всего проводила в Подмосковье. Считанное количество раз родители ездили в санатории. Последний раз – отец уже болел – они были в 1989 году в Кисловодске, после перенесенной в 1988 году папой тяжелой операции.

Научная деятельность отца, с одной стороны, неразрывно связана с архивной, а с другой – с педагогической.

Очень любил папа педагогическую работу. Занимался ею даже уже будучи тяжело больным. В Ашхабадском пединституте, а затем в Туркменском госуниверситете очень пригодился папе опыт, приобретенный в пединститутах и средних школах Сталинабада (Душанбе) и Уфы и, конечно же, в Московском историко-архивном

институте. Но в Туркмении он шел не по проторенному пути, то есть тому, который предлагали существующие учебные программы. А удачно сочетал в себе педагога-новатора и архивиста-просветителя, использующего для пропаганды исторического наследия кроме публикаторской деятельности еще и педагогическую. В Ашхабадском пединституте – Туркменском госуниверситете им были разработаны и прочитаны курсы источниковедения, историографии, теории и практики архивного дела, организована научно-производственная практика для студентов в архивных учреждениях. Этот опыт археографической и источниковедческой подготовки студентов вызвал одобрение в 80-е годы, в частности, со стороны зарубежных архивистов, посетивших Туркмению, а также во время командировок отца в Румынию и Польшу.

До сих пор не разобран и требует изучения домашний архив папы, а в нем могут быть интересные находки – неопубликованные научные работы, наброски, варианты. Не исключаю, что отыщется и что-то из литературного творчества – ифлийского периода или зрелых лет, что, как говорится, пишется «в стол» или «для души». Многие отмечали его разностороннюю одаренность. Но реализовать полностью свой духовный потенциал папа, к сожалению, не смог.

Папа никогда никому не отказывал, если был в силах помочь. И в рабочий кабинет, и домой шли к нему сотрудники и по служебным делам, и просто так посоветоваться. Многим из них помог «пробить» квартиру (сам же получил только в 1970-е годы), поступить в ашхабадский или московский ВУЗ по историко-архивному профилю самим или их детям. А сколько высококвалифицированных национальных кадров подготовлено отцом для Туркмении: это и архивисты-практики, и выпускники истфака, в том числе писавшие у него дипломные работы, и молодые ученые, защитившие под его руководством (или был оппонентом) кандидатские диссертации.

Уйдя в 1988 году на пенсию, папа не оставил архивную работу, а продолжал трудиться в публикаторском отделе ЦГА Туркмении.

6 октября 1988 года, в 40-летнюю годовщину ашхабадского

землетрясения, отцу было присвоено звание «Почетный гражданин города Ашхабада». Как и юбилейную медаль в честь 800-летия Москвы, папа высоко ценил это звание – выше других званий и наград, которыми был удостоен.

Как и отец, мама очень много времени уделяла своей работе на факультете русской филологии Туркменского госуниверситета, являясь его профессором, старейшим педагогом этого ВУЗа. В последние три-четыре года жизни отца, когда он тяжело болел, она старалась быть побольше рядом с ним – и дома, и в больнице. Папа и умер-то буквально у мамы на руках. Хотя мы видели, что отец угасает, непоправимое произошло, как, наверное, и всегда, очень неожиданно – 11 марта 1992 года, за несколько дней до его 74-летия.

Накануне прилетела из Москвы еще одна дорогая для него женщина – сестра Елизавета Владимировна. Папа повеселел. Но родившейся у нас надежде не суждено было сбыться. Брат и сестра встретились, чтобы попрощаться.

В горькие дни очень поддержали нас многочисленные звонки, телеграммы, письма из разных городов СССР, в том числе из Москвы – от родных, знакомых, коллег отца.

Юлия Павловна Дзагурова, старший археограф бывшего Главархива СССР, в своем теплом письме, в частности писала:

«...Всегда буду помнить наши с ним встречи: и в юности, когда мы вместе работали в ЦГИА, и далее, когда он был уже начальником Главного архивного управления Туркмении, и мы встречались и в Москве, и в Ашхабаде... Он целиком отдавал себя любимому делу, всегда искал, творил, выступал в печати и по радио и телевидению, пропагандируя документы архивов... Скромный, требовательный к себе, с большим багажом знаний, владел иностранными языками... Внешне всегда элегантный, обаятельный, с яркими темными глазами, приятной улыбкой. Никакого панибратства, фальши. Простота в обращении. Настоящее воспитание. Внутренняя культура. Он имел много замыслов. Многое осуществил, не все успел сделать. Был прекрасным семьянином, отцом... Алексей Владимирович был яркой личностью. Он имел настоящих, преданных друзей. К таким я позволю отнести

и себя. Я всегда преклоняюсь перед его умением работать с людьми, перед его трудолюбием. В работе я всегда ощущала его поддержку и всегда готова была протянуть ему руку дружбы, помочь хотя бы в малом...».

Многим запомнились папины слова, которые он любил повторять: «Архив – это не склад мертвых бумаг, а живое хранилище истории народа». И к этому всегда добавлял: «История должна быть полной, без ошибок, правдивой. И мы, архивисты, несем за это ответственность наряду с историками».

Памяти отца я посвятил один из разделов сборника стихов «Поэтическое излучение», который вышел в 1994 году в Ашхабаде. Стихи этого раздела написаны в популярной на Востоке форме – рубаи.

*Мы все уйдем. Любовь и Память – вечны,
Коль мы зажгли в другой душе – путь Млечный.
Добрее быть друг к другу надо, люди:
Во Времени мы будем бесконечны.*

В рецензии на эту книгу «Прикоснись к памяти», написанной журналисткой, поэтессой и переводчицей Линой Половинкиной и опубликованной в газете «Туркменская искра» в феврале 1995 года, особенно приятно было найти добрые слова о папе:

«...Мне, как и многим другим коллегам-журналистам, посчастливилось по роду работы общаться с отцом Николая – Алексеем Владимировичем Головкиным, известным в наших краях архивистом, долгие годы отдавшим работе в Главархиве страны, поиску затерянных, но представляющих великую историческую ценность документов прошлого. Через «школу Головкина» прошли многие из тех, кто трудится и сегодня в Государственном архиве суверенного Туркменистана, и бывшие сотрудники – ныне пенсионеры. Вспоминая о нем, все они отдают дань уважения широте его кругозора, истинному, не показному интернационализму...».

У отца мне еще учиться и учиться. Поводов для осмысления его уроков, которым стараюсь следовать постоянно, предостаточно.

Николай ГОЛОВКИН,
член Союза писателей России. Edebi makalalar